

На правах рукописи

Пьянкова Ксения Викторовна

**ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ПИЩИ, В
РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ:
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность: 10.02.01 – русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург

2008

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

Научный руководитель

доктор филологических наук, профессор
Елена Львовна Березович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук
Ирина Александровна Седакова
кандидат филологических наук, доцент
Надежда Ильинична Коновалова

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Томский государственный
университет»

Защита состоится «25» июня 2008 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

Автореферат разослан «___» мая 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

М. А. Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изучение языковой традиции в ее соотношении с культурой народа является важной задачей этнолингвистики. Данное направление современной славистики связано с именами Т. А. Агапкиной, Н. П. Антропова, Е. Бартминьского, О. В. Беловой, Е. Л. Березович, Т. И. Вендиной, А. В. Гуры, Л. П. Дроновой, А. Ф. Журавлева, В. И. Коваля, Д. Младеновой, И. А. Седаковой, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, А. В. Юдина и мн. др. Предлагаемое диссертационное сочинение также включается в эту научную парадигму, поскольку базируется на диалектном материале, учитывает инославянские данные, опирается на связи языка с традиционным фольклором, ритуалами и верованиями и нацелено на реконструкцию народной языковой картины мира.

Объектом исследования являются диалектные и общенародные лексические единицы русского языка, называющие кислую, соленую, сладкую и жирную пищу, а также слова, объединенные с ними семантико-мотивационными связями. В работе деривационные отношения рассматриваются в пределах широкого лексического пространства (семантико-мотивационной группы), выделяемого не только на синхронном, но и на диахронном уровне. При отборе материала учитывались два критерия: семантический – наличие в значении семы ‘сладкий’, ‘соленый’, ‘кислый’, ‘жирный’; этимолого-словообразовательный – общность корневой морфемы (гнезда **kys-//*kvas-*, **sol-//*sold-*, **žir-*, **ma(z)sl-*, **tuk-*, **sa(d)l-*, **volg-*).

Выбор объекта исследования обусловлен несколькими факторами. Во-первых, вследствие жизненной и культурной значимости пищи соответствующая лексика широко представлена в русских говорах и, несомненно, обладает богатым потенциалом как источник информации о традиционной культуре этноса. Во-вторых, изучая систему наименований кислой, соленой, сладкой и жирной пищи в рамках одного исследования, можно выявить особенности ее семантической организации и контрастивно представить культурно-языковую символику лексики, связанной с каждым из категориальных (в данном случае вкусовых) признаков пищи. В-третьих, выбор в качестве объекта анализа этимологического гнезда и лексико-семантического поля позволяет рассматривать явление семантической деривации (механизмы развития значения) не только в синхронной, но и диахронной плоскости (см. исследования Е. Э. Бабаевой, Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркиной, С. М. Толстой, О. Н. Трубачева, Г. И. Урбанович и др.).

Предметом анализа стали семантические особенности и деривационные связи лексики с «пищевой» семантикой как источник этнолингвистической информации. Согласно методологическим принципам, сформулированным Московской этнолингвистической школой и дополненным «наработками» уральских этнолингвистов, именно внутренняя форма слова и его мотивационные связи являются основными формами сохранения и трансляции архаических представлений о мире (см. работы Е. Л. Березович, Ю. А. Кривошаповой, Т. В. Леонтьевой, И. В. Родионовой, М. Э. Рут, С. М. Толстой, Е. И. Якушкиной и др.).

Актуальность исследования. Изучение «пищевой» лексики позволяет реконструировать воплощенный в языке фрагмент традиционной картины мира. Между тем в славянской этнолингвистике, насколько нам известно, до сих пор не существовало исследований, системно рассматривающих наименования категориальных признаков пищи.

Целью исследования является этнолингвистическая интерпретация русской лексики, обозначающей кислую, соленую, сладкую, жирную пищу, и ее семантико-мотивационных связей в лексической системе.

Поставленная цель потребовала решения следующих **задач**: • этимолого-семантическая характеристика гнезд **kys-//*kvas-*, **sol-//*sold-*, **žir-*, **ma(z)sl-*, **tuk-*, **sa(d)l-*, **volg-* в русском языке; • описание семантического своеобразия полей «Кислая пища», «Соленая пища», «Сладкая пища», «Жирная пища»; • обнаружение и интерпретация регулярных семантических связей, существующих между лексикой пищи и другими понятийными сферами; • выявление семантических коррелятов для рассматриваемых лексических гнезд (**sold-* и **las-*, **žir-* и **tlъst-*, **sux-* и т. д.); • выделение семантических доминант, т. е. базовых семантических элементов, которые объединяют несколько значений (реализуемых в этимолого-словообразовательном гнезде или лексико-семантическом поле); • обнаружение смысловых сближений и расхождений между языковой семантикой и значениями, проявленными в других символических подъязыках народной культуры (фольклоре, ритуале, верованиях); • выявление семантико-мотивационных параллелей для рассматриваемых русских лексем в славянских языках; • осуществление семантической реконструкции слов с затемненной внутренней формой.

Этнолингвистический аспект исследования определил характер анализируемого **материала**. В рамках работы рассматривается как диалектная, так и общенародная лексика русского языка, дополненная данными иных славянских традиций – лексикой и фразеологией польского, украинского, белорусского и др. языков. Для сбора лексического материала привлекались словари русских говоров и литературного языка. Данные макрорегиональных тезаурусов (СРНГ, Даль) были дополнены фактами, извлеченными из других диалектных словарей русского языка (архангельских, вологодских, новгородских, псковских говоров, русских говоров на территории Карелии, говоров Среднего Урала и др.). Диссертация содержит полевые материалы картотеки Словаря говоров Русского Севера, лексической и антропонимической картотек Топонимической экспедиции УрГУ (в работе которой на протяжении 7 лет принимал участие автор), включающие диалектную лексику Среднего Урала, Архангельской, Вологодской, Ярославской и Костромской областей.

Фольклорные и этнографические данные были извлечены не только из опубликованных источников (в том числе изданий XIX в.: например, собрания материалов В. Н. Добровольского, Е. А. Покровского, Н. В. Калачева, П. В. Шейна, «Быт великорусских крестьян... В. Н. Тенишева»), но также из этнографической

картотеки топонимической экспедиции УрГУ, Каргопольского архива этнолингвистической экспедиции РГГУ.

Материал других славянских традиций, привлекаемый для сопоставления с русским, был почерпнут из диалектных, литературных, исторических и этимологических словарей украинского, белорусского, польского, чешского, сербского и хорватского языков, а также из Полесского архива этнолингвистической экспедиции Института славяноведения РАН, картотеки Словаря польских говоров (Краков, Польша), Этнолингвистического архива Университета им. Марии Кюри-Скловской (Люблин, Польша).

Комплексное этнолингвистическое исследование осуществляется **методами** семантической реконструкции, пблевого, ономазиологического, идеографического и системного семантического анализа, а кроме того, базируется на выявлении семантико-мотивационных параллелей между русскими языковыми фактами и данными других славянских языковых традиций и внеязыковых форм культуры.

Научная новизна диссертационного сочинения определяется тем, что русская лексика, обозначающая вкусовые свойства пищи, впервые стала объектом этнолингвистического анализа. В научный оборот введен новый лексический материал, в том числе содержащийся в неопубликованных источниках и собранный в полевых условиях.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в нем предложен алгоритм комплексного анализа семантико-мотивационной группы, включающий характеристику входящих в нее этимолого-словообразовательных гнезд, интерпретацию регулярных семантических связей изучаемой лексической группы с иными лексико-семантическими полями, рассмотрение парадигматических отношений слова (как отдельных лексем, так и деривационных парадигм многозначных слов), а также междиалектных, межъязыковых и культурных параллелей.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов в практике вузовского преподавания при подготовке курсов по этнолингвистике, семантике, этимологии, сравнительной славянской лексикологии, а также при составлении справочных изданий и энциклопедий по традиционной культуре.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены автором на V–VI Межвузовских конференциях молодых исследователей «Языки традиционной культуры» (Москва, 2003, 2004), международной научной конференции «Ономастика в кругу гуманитарных наук» (Екатеринбург, 2005), международной научной конференции «Сны и видения в славянской и еврейской традиции» (Москва, 2006), XII Международной научной конференции «Славянская традиционная культура и современный мир. Социальные и эстетические нормативы» (Москва, 2007), IV Международной конференции «Гуманист перед традицией и современностью. Стереотипы в языке и в культуре» (Люблин, Польша, 2007), Шестых Санкт-Петербургских этнографических чтениях «Питание в культуре этноса» (Санкт-Петербург, 2007). По теме исследования опубликовано 13 работ.

Положения, выносимые на защиту.

1. Лексика, называющая категориальные свойства пищи, является богатым источником семантической деривации, результаты которой обнаруживаются в различных тематических сферах, и обладает яркой культурной символикой. Это позволяет изучать данный лексический фонд комплексно – в рамках семантического поля и этимолого-словообразовательного гнезда, а также с учетом параллелей во внеязыковых кодах культуры.

2. В составе полей «Соленая пища» и «Сладкая пища» гнезда **sol-//*sold-* являются основными носителями соответствующих «пищевых» значений. Поле «Жирная пища» характеризуется наличием нескольких этимолого-словообразовательных гнезд – **žir-*, **ma(z)sl-*, **sa(d)l-*, **volg-*, **tuk-*, тогда как для поля «Кислая пища», несомненно, доминантным является гнездо **kys-//*kvas-*, которое «сосуществует» со множеством других (**mъzg-*, **mъd-*, **mold-* и др.), представляющих пищевую семантику не столь регулярно. Характер «генетической базы» поля – ее большая или меньшая однородность – отражает саму структуру пищевой категории – ее монолитность (как в случае с «соленым» и «сладким») или «многогранность» («кислый» и «жирный»).

3. Лексика, называющая категориальные свойства пищи, организована как система оппозиций и корреляций (сладкий – соленый, горький, кислый; соленый, кислый – пресный; жирный, скоромный – постный; сладкий ~ жирный; горький ~ соленый и др.), которые актуальны не только на уровне «пищевых» значений, но и на уровне вторичной языковой семантики и культурной символики.

4. «Вкусовая» лексика связана отношениями семантической коррелятивности (по С. М. Толстой) с прилагательными, для которых «пищевая» семантика не является первичной: например, набор значений прил. *жирный* «повторяет» набор значений прил. *толстый, тонкий, тощий, добрый* и др., тогда как прил. *кислый* по ряду конкретных значений синонимично прил. *мокрый*.

5. Характер семантической деривации на базе пищевой лексики определяется несколькими факторами: • этимологическим значением корня; • объективными связями реалий (например, семантика «сладкого» соотносится с растительным миром, «соленого» – с характеристиками почвы и воды); • общим семантическим элементом, присущим лексике соотносимых тематических сфер (например, семантический признак «возбуждения и беспокойства» связывает значения 'встревожиться' и 'прокинуть, забродить').

6. Для каждой семантико-мотивационной группы может быть выявлен набор базовых семантических элементов (семантических доминант), общих для нескольких значений, которые соотносятся с различными денотативными областями (например, для семантико-мотивационной группы «Кислая пища» – 'влажный', 'мягкий, вялый', 'малоподвижный, лишенный движения', 'болезненный, старый', 'пустой, бессодержательный', 'беспорядочный', 'неудачный', 'живой, растущий').

7. Признаки «кислый», «соленый», «сладкий», «жирный» являются символически нагруженными в русском языке и во внеязыковых кодах культуры и интерпретируются в аспекте противопоставлений «бедный – богатый», «изобильный – скудный», «плодородный (плодовитый) – неплодородный», «мужской – женский», «больной – здоровый», «молодой – старый» («свежий – старый»), «чистый – грязный», «пустой – полный», «приятный – неприятный», «этичный – неэтичный», «праведный – грешный».

8. В результате анализа семантической деривации на базе «пищевой» лексики, учитывающего явление семантического параллелизма, были предложены мотивационные реконструкции для ряда лексем: диал. *огнёваться* 'прокиснуть', *ма́сленка* 'макушка, темя', *воло́жить* 'бить, колотить кого-либо', *квасить* 'пить', *солома́тить* 'говорить пространно, пусто', *сало*, *масло*, *квас* 'игровой локус', *квас* 'проигравший игрок', *ла́си* 'игра типа пятнашек' и др. Обращение к другим славянским языкам, фольклору, верованиям и ритуальным практикам позволило проинтерпретировать диал. *масла в голове нет* 'о глупом, неразумном человеке', разг. *насолить* 'навредить' и др.

Структура работы. Работа включает введение, 4 главы, заключение и приложение. Общий объем работы .... страниц, из которых ..... составляет основной текст.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновывается выбор темы, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, рассматривается литература вопроса, оговариваются источники использованного материала и структура работы.

В первой главе «*Семантико-мотивационная группа как объект этнолингвистического исследования*» характеризуется объект исследования, а также принципы и алгоритм анализа материала.

При определении объекта исследования учитывался синхронный и диахронный подход: в состав исследуемых семантико-мотивационных групп «Кислая пища», «Соленая пища», «Сладкая пища», «Жирная пища» входят соответствующие семантические поля, рассмотренные в перспективе семантической деривации, и этимолого-словообразовательные гнезда, лексические единицы которых регулярно выражают «пищевую» семантику, – **kys-/*kvas-* 'кислый', **sol-* 'соленый'//**sold-* 'сладкий', **žir-* 'жир, жирный', **ma(z)sl-* 'масло', **sa(d)l-* 'сало', **volg-* 'влага, жир', **tuk-* 'тук, тучный' (в русских народных говорах сущ. *воло́га* и его дериваты регулярно развивают значения 'жир, жирная пища', а лексемы гнезда **tuk-*, хотя и стали малоупотребительными в современном русском языке, этимологически являются древними обозначениями жира).

Исзуемое лексическое пространство имеет сложную семантическую и мотивационную организацию. Специфика объекта исследования определила принципы анализа, подразумевающие:

- описание особенностей реализации семантики «кислая пища», «соленая пища», «сладкая пища», «жирная пища» и основных этимолого-словообразовательных гнезд, для которых эта семантика характерна;

- рассмотрение семантико-мотивационной группы с точки зрения семантической деривации, предполагающее выделение полей, формирующих мотивационные связи с полем пищи;

- анализ лексики поля в «контексте» коррелятивных отношений (условие выделения лексических коррелятов – совпадение в достаточно конкретных значениях, ср. лексемы гнезд *кис-//квас-* и *мок-*: волог. *квасить пряжу* = *вымачивать*; новг. *мокрѣк*, арх. *кисляк* ‘юго-западный ветер’; новг. *мокрѣк*, арх. *кислунь* ‘полный человек’; амур. *мокруда*, печор. *кислѹха* ‘неряха’). Анализ коррелятивных отношений позволяет не только установить логику семантических связей в парадигме многозначного слова или внутри лексического гнезда, но и обнаружить некоторые регулярные семантические отношения, определяющие развитие лексической семантики (см. работы С. М. Толстой);

- учет невербального кода традиционной духовной культуры, проясняющего мотивацию языкового знака (например, название вологодской игры *девушек солить* интерпретируется в свете весеннего обряда соления не вышедших замуж девушек);

- проведение семантической реконструкции с опорой на данные родственных языков, которые позволяют восстановить цепочку семантических изменений внутри лексического гнезда и поддержать выявленные на материале одного языка нетривиальные семантические переходы (ср. мотивационную модель ‘киснуть, квасить’ → ‘делать медленно; опаздывать’, реализуемую в рус. ворон. *лапшѣ прокѣснет* ‘об опоздании’, польск. *kwasić groch* <квасить горох> ‘долго ждать чего-л.’);

- выделение базовых семантических признаков (семантических доминант), представляющих основные направления смыслового развития слов семантико-мотивационной группы. Например, семантическая доминанта «кислого» ‘некачественный, неудачный’ реализуется в печор. *закѣсетъ* ‘испортиться при неправильном хранении (о пище)’, куйбыш. *бурдамѣха* ‘плохая, прокисшая похлебка; прокисшее молоко’, вят., влад. *бульч* ‘молодой и плохой квас’, пск. *неудача с квасом* ‘несообразительный человек’, арх. *наквасить* ‘в игре: неудачно выбить рюху’, простореч. *наквасить* ‘сделать что-л. не так, как надо; испортить что-л.’. Семантическая доминанта дает возможность по-иному взглянуть на механизм развития значения, соотношение прямой и переносной семантики, величину смыслового расстояния между лексемами.

Ключевой семантический признак, воплощенный в нескольких лексемах, составляющих гнездо или поле, обладает следующими свойствами: а) имеет более обобщенный характер, чем конкретное значение слова, и связывает несколько лексем внутри гнезда или поля; б) не закреплен за конкретным денотатом и является основой для развития значений, соотносимых с различными тематическими сфера-

ми ('насыщенный, интенсивный' – литер. *жирный* 'темный (о линиях шрифта)', диал. севернорус. *жирный* 'крепкий (о чае)', иван. 'сильный (о свете)', севернорус. *жирно́та* 'духота'); в) выделяется с опорой на лексическое значение и внутреннюю форму ('подвижный, динамичный' – диал. костр. *квасить* 'убегать', олон. *солодéть* 'слишком много суетиться, хлопотать', симб. *ерунда́* 'хмельной напиток', ворон. 'егоза, хлопотун', псков. *запры́гать* 'забродить'); г) определяет и формирование первичных «пищевых» значений, и направление семантической деривации на базе «пищевых» слов (ср. признак 'шумный' в новг. *бормота́ть* 'бродить (о пиве)', урал. *говорунья́* 'брага' и южн.-сиб. *бурдомажить* 'закусать, бродить', 'шуметь, кричать' и др.); д) выделяется и в масштабах этимологословообразовательного гнезда, и на уровне лексико-семантического поля (причем таких базовых семантических элементов может быть несколько).

Перечень семантических доминант задает семантическую специфику гнезда (поля) и позволяет, в том числе, проводить контрастивный анализ разных языковых традиций. Например, для гнезда **kvas-* в польском языке характерны доминанты 'грязный', 'беспорядочный', ср. польск. диал. *kwas* 'грязь', 'мусор, беспорядок', 'немытые вещи'. В русском языке, если такие значения и встречаются, то чаще всего на уровне поля: семантический компонент 'грязный' можно увидеть в новг. *раскв́аса* 'неряшливая женщина', волог. *на́кисель* 'грязь'; а 'беспорядочный' – в диал. лексемах *ба́рда* 'кушанье, начинающее портиться', 'беспорядок', *буза́* 'хмельной настой из ягод', 'суматоха, беспорядок', 'ссора, скандал', *скв́асить* 'в игре: рассыпать городки'.

Вторая глава «Гнезда **kys-//*kvas-*, **sol-//*sold-*, **žir-*, **ma(z)sl-*, **tuk-*, **sa(d)l-*, **volg-*: «пищевая» семантика» содержит этимолого-семантический комментарий к перечисленным гнездам и раскрывает семантическое своеобразие полей «Кислая пища», «Соленая пища», «Сладкая пища», «Жирная пища».

В первом разделе второй главы характеризуются гнезда **kys-//*kvas-* и определяются **особенности реализации семантики «кислая пища»**.

В русском языке значения 'кислая пища', 'кислый', 'скисать, бродить' передаются лексемами нескольких гнезд (например, **тъд-*, **тъзг-*, **mold-*), однако основную нагрузку несут корни **kvas-* (*квас*, *квасить* и др.), **kys-* (*киснуть*, *кисель* и т. п.), реже – **күš-* (*киша*, *кишетъ*). Немалая часть производных корней *кис-//квас-//киш-* объединена семантической доминантой 'влажный, мокрый'. Возможно, значение 'намокать, быть влажным' в этом гнезде старше, чем 'киснуть, бродить', ср. ряз. рост. *откиса́ть* 'намокать', арх. *кислый́* 'сырой, водянистый', а также болг. *квася́* 'мочить', польск. *kwasić* 'о дождливой погоде' и др. Обнаруживаются устойчивые семантические корреляции лексем гнезд **kvas-//*kys-//*күš-* и **күр-* (ср. севернорус. *китеть* 'киснуть', омск. *киш* *кишетъ*, перм. *кипя* *китеть* 'кишеть, быть в большом количестве'), что может подтверждать родство этих корней на и.-е. уровне.

Анализ семантики «кислая пища» показал, что существует «кислое» как перцептивная характеристика (арх. *кислядь* ‘чай с клюквой’, смол. *кислявка* ‘кислое яблоко’) и «квашение» как протяженный во времени процесс, который может быть естественным (сродни гниению, ср. ярсл. *кваситься* ‘портиться от долгого лежания’, сев.-двин. *промо́дить* ‘прокиснуть, протухнуть’) и искусственно вызванным человеком (разг. *квасить* ‘заготавливать в прок’, ряз. *кваи́онка* ‘заквашенное топленое молоко’, диал. шир. распр. *раствори́ть* ‘заквасить тесто’). Различной оказывается символическая оценка этих явлений во внеязыковых формах культуры (скисшее – «нечистое» и заквашенное – «чистое»). Процесс заквашивания окружен многими регламентациями: например, определяется лунное время, когда следует квасить (не квасят, если месяц *на молоду*), и субъект, который должен квасить (например, белорусы считали, что приносить воду для квашения свеклы и квасить капусту должен мужчина; при этом он соблюдал телесную чистоту: воздерживался от физической близости с женщиной и приносил воду для квашения натошак).

Семантика «кислого» складывается из весьма «противоречивых» признаков – бродящий и гниющий, неподвижный; жидкий, некачественный, крепкий, кислый на вкус и запах, мягкий, влажный, приготовленный путем смешения. Для лексики, называющей различные «аспекты» скисания (острый, кислый вкус; гниение, разложение; скисание молока, брожение теста, скисание приготовленной пищи), выделяются разные модели семантической деривации. Универсальной для обозначения всех видов скисания является семантическая модель ‘становиться влажным, мягким’ → ‘киснуть’, ср. волог., арх. *промо́зглый* ‘начинающий скисать’, смол. *побрю́гнуть* ‘прокиснуть’ и др.. Среди специфических моделей выделяются:

- кислое как вкусовая категория: ← ‘вызывающий неприятные физиологические реакции’ (*горлопята́на* ‘о чем-л. очень кислом’);

- скисание молока: ← ‘резать’ (волг. *обрéзлый* ‘о молоке: кислый’, пск. *по-бриту́ха* ‘кислое молоко’), ← ‘стягивать, сжимать’ (арх. *отужи́ться* ‘скиснуть’), ← ‘вариться, кипеть’ (рус. карел. *варом варит* ‘о молоке: киснет’), ← ‘опускаться, садиться’ (костр., ярсл. *сэдыш* ‘простокваша’), ← ‘сворачиваться’ (свердл. *свёрты́ваться*, севернорус. *перевёрты́ваться* ‘скисать’);

- брожение теста или напитка: ← ‘претерпевать модификации’ (арх. *жи́ло* ‘перебродившее тесто, пиво, брага’, урал. *игра́ть* ‘о жидкости: бродить’), ← ‘двигаться’ (литер. *броди́ть*, пск., твер., новг. *покряну́ться* ‘скиснуть’), ← ‘подниматься’ (арх. *прознима́ться* ‘о тесте: подниматься’), ← ‘изменять форму’ (дон. *бу́бнить* ‘киснуть, пучиться, подниматься «бубном»’, волг. *вестí* ‘о тесте: подниматься’), ← ‘бурлить, вздуваться’ (печор. *забурóвить* ‘начать бродить’);

- кислое – испорченное: ← ‘иметь неприятный запах’ (ср. рус. коми-перм. *заду́шать*, арх., волг. *прони́хнуть* ‘прокиснуть, протухнуть’);

- скисание приготовленной пищи, без сомнения, неприятно и воспринимается негативно. Это определяет появление эвфемистических обозначений кислой пищи: одна из «популярных» моделей семантической деривации связывает проки-

сание пищи с проникновением в нее какого-либо «субъекта», ср. перм. *Прокóпий проехал*, костр. *Афонька пальцем ткнул*.

Во втором разделе характеризуются гнезда **sol-*, **sold-* и определяются **особенности реализации семантики «соленая пища», «сладкая пища»**.

Лексика семантико-мотивационных групп «Соленая пища», «Сладкая пища» характеризуется слабой разработанностью «левой» стороны мотивационных связей: именно прил. *соленый* и *сладкий* употребляются для обозначения соответствующих вкусов и в литературном языке, и в диалектах. В русском языке за продолжениями корня *сол-* сохраняется и.-е. семантика 'соленый'; *слад-* имеет значение 'сладкий, имеющий вкус, свойственный сахару, меду'. Продолжения корня *солод-* чаще всего обозначают природный сахар, содержащийся в корнях растений, а также процесс и продукт сладкого брожения (т. е. характеризуются и признаковой, и акциональной семантикой). Значения дериватов корня *солощ-* (<**sold-ty*) развивались, вероятно, по модели 'вкусный/сладкий' → 'любящий сладкую/вкусную пищу' → 'любящий поесть' (диал. шир. распр. *солощий* 'о лакомке, сладкоежке', 'жадный, алчный').

Несмотря на семантические расхождения, все перечисленные фонетические варианты корней **sol-//*sold-* в русском языке обладают значением 'вкусный; быть/делать вкусным' (ср. арх. *подсолить* 'приправить для вкуса, сдобрить' – «Чаек-то ваш подсолю молочком», пск. *засолодить* 'приправить', разг. *сладкий* 'вкусный'). В противоположность «безвкусному» *пресному* и *пустому* соленая и сладкая пища с полным правом может называться *вкусной*, ср. поговорку *Щи капустаю пригожи, а солью укусны*, загадку *Что на свете всех вкуснее?* (соль). Данная семантика, возможно, апеллирует к праслав. значению *'вкусный, приправленный', хотя может быть рассмотрена и как расширение значения 'сладкий', 'соленый'.

И «сладкое», и «соленое» являются перцептивными категориями. При этом «соленое» ограничивается областью вкуса, а «сладкое» ощущается несколькими органами чувств: с ним связано не только вкусовое, но также обонятельное, звуковое и даже тактильное ощущение (перм. *сладкая баня* 'баня без угара', курган. *солóщий* 'о материале: гладкий', литер. *сладкозвучный*). Во многих контекстах *сладкий* выступает в значении 'приятный, нейтральный, не имеющий резкого вкуса, запаха и т. п.', ср. колым. *сладкая нерпа* 'самка тюленя, мясо которой «не воянет порозом»'.

Источником «классического» соленого вкуса является вкус морской воды, сладкого – вкус некоторых растений (волог. *осоло́дка* 'растение из семейства бобовых', яросл. *сáхарник* 'сахарная свекла'), а их эталоном – соль (разг. *голи́мая соль* 'о пересоленной пище'), мед и сахар (ср. *сла́ще меда*, *мед-сахар*). Для категорий «сладкий» и «соленый» важно понятие вкусовой нормы, обуславливающее развитие «пищевых» и «непищевых» значений, ср. *Посоли да не пересоли; Масла переложу, а соли не доложу*; разг. *пересолить* 'перейти меру', перм., яросл. *перехáстать* 'пересолить', ср. польск. *nieślony* 'незрелый (например, о вишнях)'.

Однако если соль – это обязательная составляющая пищи (олон. *кривой обед* ‘обед без соли’, *Солоно, воложно – зато жену не бить, а хлеба не станет – мужа не бранить*; *Нам хоть песок, только бы солить*), то сладкий вкус, хотя и воспринимается как «положительный», является непривычным для традиционной русской культуры (своего рода излишеством, ср. разг. *сладёна*, арх. *сладкоёд* ‘лакомка’, *Ешь сладко, да не потрати*; *Горьким лечат, сладким калечат*).

Соление, как квашение, является одним из основных способов сохранения пищи (диал. шир. распр. *осолить* ‘заготовить впрок с солью’, твер. *солонуха* ‘гриб, годный в засол’). Процесс соления окружен множеством запретов и регламентаций («В полнолуние соление не солить»). Консервирующие качества соли (ср. *Кисло пей, солоно ешь, помрешь – не сгниешь*) определяют ее функцию в народной культуре: в родильном обряде и народной медицине соль используется как апотропей.

В третьем разделе рассмотрены гнезда **žir-*, **ma(z)sl-*, **tuk-*, **sa(d)l-*, **volg-* и особенности реализации семантики «жирная пища». В традиционной культуре жирная пища считалась не только особо питательной и вкусной (костр., арх. *волóжный* ‘вкусный, лакомый’, новг. *сáлиться* ‘есть вкусное, лакомое’; *Стар кот, а масло любит*), но и признавалась основной составляющей полноценного обеда и воспринималась как символ жизненного благополучия, ср. *Как хорошая жена, да жирные щи, так другова добра и в раю не ищи*. Телесная природа жира (*Сухая еда душе, воложная плоти угождает*) определяет его принадлежность скоромной пище.

Анализ «пищевых» значений *жира, сала, масла, тука, вологи* выявляет симметричность их смыслового развития, подтверждаемую общими семантическими доминантами: например, всякий жир интерпретируется как влажное, сочное (влад., костр. *жирный* ‘сочный (о сене)’, перм. *жир* ‘рассол’, дон. *салом питаться* ‘питаться фруктами’, литер. *тучный* ‘сочный, мясистый’), с одной стороны, и плодородное, изобильное, с другой.

Семантическая «специализация» дериватов сущ. *жир, масло, сало, тук, волога* обусловлена:

- особенностями этимологических связей: *жир* и гл. *жить, масло* и гл. *мазать, сало* и гл. *садить*; этимологическое значение *вологи* – ‘влага’ (ср. *волога* ‘жидкая пища’);
- спецификой «физического» значения: *жир, тук, волога* – родовые обозначения всякого жира, скорома (ср. арх. *волóга* ‘жир, жирные продукты’, *наволóжить* ‘заправить пищу маслом, сметаной’); *сало* – животный жир; *масло* – молочный жир (или всякая вязкая жидкость);
- экстралингвистическими факторами: особенностями приготовления (например, *масло* – это рукотворный продукт (*Масло само не родится*), трудоемкий процесс приготовления которого регламентируется множеством предписаний, становится сюжетом распространенной детской забавы *масло бить, масло мешать*), а также местом того или иного жира в традиционном рационе.

В целом можно отметить, что в русской традиции именно соль, жир, «кислинка» и сладость считаются основными качествами вкусной пищи. Отсутствие кислоты, соли, жира или сладости в блюде делает его пустым, безвкусным и пресным (ср. *Не дороги обабки* <грибы>, *дороги прибавки* <приправа>): именно прил. *кислый, соленый, сладкий* и *жирный* могли быть противопоставлены «каритивным» лексемам *пресный, постный, простой, пустой* и др., ср. *простой* (р. Урал) ‘постный’ и волог. ‘несладкий’.

В третьей главе «*Семантико-мотивационные связи “пищевой” лексики с другими лексико-семантическими полями*» интерпретируются регулярные семантические отношения пищевой лексики с иными смысловыми областями. В тематически упорядоченные понятийные сферы лексические единицы распределялись с учетом значения и внутренней формы.

1. «Человек»: «Физическая характеристика» («Тело», «Большой – здоровый», «Молодой – старый», «Мужской – женский», «Физиологические процессы», «Зрение. Речь»), «Внешний вид», «Эмоции», «Интеллект»;
2. «Социум. Культура»: «Родственные отношения», «Социальные отношения», «Этика», «Свадебный обряд», «Игры»;
3. «Природа»: «Растения», «Гео- и гидрообъекты», «Метеорология»;
4. «Бытие»: «Движение», «Время», «Количество», «Общая рациональная оценка».

Внутри каждого раздела проводится мотивационный анализ материала, который предполагает выделение семантико-мотивационных моделей, характеризующих поле пищи как реципиента или донора по отношению к другим лексико-семантическим полям. Приведем примеры некоторых из них.

«Человек»: «Тело», «Большой – здоровый». Лексико-семантическое поле пищи регулярно взаимодействует с полем физической характеристики человека. В группе обозначений различных «параметров» человеческого тела наиболее активны лексемы с «жировой» семантикой. Они развивают антропологическое значение ‘полный, тучный’, ср. простореч. *лопаться от жиру* ‘сильно полнеть’, арх. *салёха* ‘о тучной женщине’, литер. устар. *тук* ‘дородство, плотность тела, здоровье’. Такая полнота традиционно интерпретируется как признак здоровья и обеспеченной жизни. В этих значениях проявляется характерная для «жирного» семантика изобилия, полноценности, избытка, ср. *В Божью славу, в тук да в сало, в буйну голову – вам испить, а мне челом ударить!* ‘заздоровное пожелание хозяину’. Кроме того, здоровый, быстро растущий организм в языке и в культуре сравнивается с бродящим, поднимающимся тестом (*опара, квашня*).

Существуют номинации, соотносящие пищу с различными частями человеческого тела. Например, «сладкими» обычно бывают уста (ср. дон. *сахóрный* ‘эпитет губ, рта’), «маслеными» – язык, лицо, глаза (вят. *масленый язык* ‘коварный, лживый язык’, *масленные глазки* ‘с поволокою, блестящие’). Включаясь в народную антропологическую модель, масло и сахар представляются «псевдострои-

тельным» материалом для человеческого тела – непрочным и недолговечным (ср. *He сахарный (не масляный), на солнце не растаеешь*, а также кашуб. *miec rące z masła* <иметь руки из масла> ‘быть неловким, часто ронять что-л.’, польск. *stateczny jako masło na słońcu* <постоянный, как масло на солнце> ‘шутл. о непостоянном человеке’). Соотношение «масло – тело» поддерживается мотивом «вытапливания» масла из тела, ср. сказочный сюжет о том, как у лисы из живота вытопилось масло, и поверья, согласно которым человек, употребляющий в пищу масляное, слепнет.

Для обозначения физического состояния человека выбираются лексемы с процессуальной семантикой ‘киснуть, бродить’. «Кислое», будучи изменяющимся, растущим, указывает на здоровое состояние крепнущего организма: рус. карел. *как на опаре киснуть* ‘набираться сил, крепнуть, мужать’, урал. *выкиснуть* ‘выздороветь’. Однако скисание, интерпретируемое как разложение материи, сопоставимо со старением и болезнью: пск., твер. *расквácиться* ‘о человеке: расслабиться, раскиснуть’, новг., ленингр. *кисляк* ‘больной, слабый человек’. Модель семантического развития, соотносящая качество пищи и физическое состояние человека, подтверждается словами, в парадигме значений которых обязательно присутствуют два регистра – пищевой (‘киснуть’) и антропологический (‘быть слабым, болеть’), ср. диал. *кря́таться, морить*. В семантике диал. гл. *мóзгнуть, модеть, киснуть, солодеть* выделяются доминанты ‘влажный, мокрый’ и ‘мягкий’, общие для представления о разложении пищи и болезни человека.

«Социум. Культура»: «Социальное и материальное положение». Кулинарные образы регулярно обнаруживают себя в обозначениях явлений социального мира. Привлекательность «пищевых» метафор для характеристики социальной жизни вполне понятна, поскольку отношение человека к пище, с точки зрения традиционной культуры, характеризует его поведение в социуме: щедрый хозяин не жалеет хлеба и соли для гостей (ср. волог. *солозоб* ‘о гостеприимном человеке), богатый – это тот, кто ест вкусную (жирную, сладкую) пищу, а бедняк – это «приверженец» незатейливых и скудных блюд, ср. *Дворяне сахарные (пряничные, медовые), крестьяне аржанные; Мужик простой, что кисель густой; У богатого и по бороде масло течет*.

Отношение к пище – один из главных критериев социальной дифференциации. Коннотации богатства и достатка, присущие обозначениям жирной и сладкой пищи (ср. дон. *жить как в масле и сахаре*, литер. *жирно*, новг. *волóжно* ‘зажиточно, богато’, уральскую колыбельную, в которой рисуется образ «масляного» счастья: «Баю-баюшки, баю, Жил татарин на краю. Он ни беден, ни богат, Полна горенка робят. Все по лавочкам сидят, Кашку *маслену* едят. Кашка *масленая*, Ложка крашеная, Ложка гнётся, *Масло* льётся, Душа радуется»), рождаются из осмысления оппозиции «постный – скоромный» как «скудный – изобильный», а также из представления о «деликатесности» жирных и сладких блюд – в традиционном рационе они были излишеством и употреблялись преимущественно в праздники. В то же время наличие соли, необходимой составляющей блюд еже-

дневного рациона, также считалось признаком безбедного существования, ср. ворон. *жить то невдосól, то в недоед* 'жить в нужде'. Употребление соли за чужой счет оценивалась как житье за чужой счет: ворон. *посолюновать* 'поесть соленого', 'поживиться, покормиться за чужой счет'. Однако для русского языка не характерна семантическая модель 'солёный' → 'дорогой, высокий (о цене)', актуальная для многих славянских языков, ср. польск. *stony* 'дорогой, с.-х. *слане цене* 'высокие цены'.

Достаток и обеспеченную жизнь символизировали закваска и хлебная опара, основными качествами которых является «непрерывность» (своего рода преемственность) и постоянный рост (например, в Вятском крае подблюдная песня о растущей опаре сулила прибыль; напротив, не подывающаяся опара предвещала убыток). Употребление кваса, как и прочей постной пищи, считается знаком бедности (*Кроме квасу нет запасу*). Моделирование через отношение к квасу целого ряда социальных ситуаций указывает на традиционную значимость этого напитка: например, в идиоме *пучить глаза на чужой квас* 'завидовать' квас путем метонимии фактически развивает значение 'имущество', а в выражениях типа *И квас есть, да не про вашу честь; У нашего хозяина два кваса: один как вода, а другой пожиже* выступает как мерило гостеприимства, щедрости или скупости (скупой пьет разбавленный квас).

К «пищевой» основе социальной дифференциации имеет отношение сюжет, связанный с выражениями типа рус. *Мажь мужика маслом, а он все дегтем пахнет*, укр. *Смаруй хлопа лоем, а він смердить гноем*. При анализе этих пословиц обращает на себя внимание не только мотив помазания маслом (ср. *Себя бы знал, свою плешь маслил*), но и мотив запаха, который противопоставляет деготь и масло, мужика и богатого. Согласно народной традиции, запах является одним из критериев национальной и социальной дифференциации: считается, что иноверец или человек, низкий по социальному положению, всегда «смердит». Масло на голове (заметим, что в русском языке *маслом* может называться и масло-благование, используемое в церковных обрядах) указывает на христианина, «своего» по социальному положению, а дурной запах (например, запах дегтя) – на чужого, иноверца (еврея), человека, низкого по социальному положению, ср. также польск. *Namaż go ty masłem, przecię on śmierdzi dziegciem* <Намажь ты его маслом, а он все дегтем пахнет> (о крещеном еврее), *Choćby mażał i masłem Judaszkową głowę, przecię łże po staremu* <Хоть мажь маслом иудину голову, а он все лжет по-прежнему>. Таким образом, мы встречаемся не столько с пищевой, сколько с «запаховой» моделью социальной дифференциации, которая представлена далеко не только «маслеными» лексемами. Здесь можно вспомнить некоторые «профессиональные» прозвища, выделяющие социальную группу по запаху «кислой» одежды, ср. влад. *кисла шерсть*, орл. *кислая муніца* 'бран. о солдате', тамб. *кислогнездые* 'прозвище скорняков и клейщиков'.

«Природа»: «Гео- и гидрообъекты». Называя географические и водные объекты, лексемы поля «Пища» проявляют всю полноту внутрисистемных семанти-

ческих отношений. Например, оппозиция «пресный – соленый» соответствует противопоставлению «озерная – речная вода», «жирный – постный» ~ «плодородный – неплодородный (о почве)».

Лексемы, имеющие первичное «жировое» значение, реализуют семантику избыточности, изобилия (см. *жирная вода* ‘разлив, половежье’), плодородия, насыщенности питательными веществами (см. ряз. *жирить*, *тучнить* ‘удобрять’, а также польск. диал. *masny* ‘пропитанный маслом’, ‘хорошо удобренный’). В противоположность «жирному», прил. *постный* в природной сфере интерпретируется как ‘не содержащий почвенного жира (тука)’ и, следовательно, ‘неплодородный (о почве)’, ср. пск. *выпостнованный* ‘истощенный (о земле)’. Связь «жирный – плодородный» отражается в текстах малых фольклорных жанров, ср. польск. *Co jest najtłuszcjsze?* <Что самое жирное?> (земля, дающая растения, из которых получают жир).

Прил. *соленый* при характеристике почвы и воды отражает вполне объективный признак – содержание соли в морской воде или земле в высокой концентрации (ср. значения ‘непригодный для питья’, ‘неплодородный’). В противоположность *соленой* воде и почве появляются *пресный* ‘плодородный (о почве)’, *сладкий*, *пресный* ‘пригодный для питья (о воде)’: они указывают на отсутствие соли и, следовательно, на плодородие почвы и пригодность воды для питья. Однако в целом прил. *сладкий* практически не развивает гео- и гидро- семантику, поскольку эта категория, очевидно, в большей степени присуща растительному миру (для рус. диал. *солодь* ‘топкое вязкое место’ вероятно первичное значение ‘солончатая жидкость’).

Сема ‘влажный’ является доминирующей в семантической структуре лексем гнезда *кис-//квас-*, ср. разг. *раскиснуть* ‘стать вязким, влажным (о почве, снеге)’. Помимо этого, для гнезда *кис-* характерна семантика «застаревший, неподвижный», ср. диал. шир. распр. *кислый* ‘затхлый, застоявшийся (о воде)’, тюмен. *кислятина* ‘временно заброшенное поле’. В семантической парадигме некоторых слов сочетаются значения ‘хмельной напиток (качественный – некачественный)’ и ‘почва (плодородная – неплодородная)’: *барда* ‘гуща, остатки от перегона хлебного вина из браги’, ‘бесплодная почва, болотная или каменистая’; *бузá* ‘сусло, молодое пиво или брага’, нижегор. *бузová земля* ‘чернозем, хорошая земля’. Существует ряд лексем, соотносящих значения ‘каша; гуща, остающаяся после слива какого-л. напитка’ → ‘жидкая грязь’, ср. вят., волог. *тепня́* ‘толокно на квасу’, ‘вязкая грязь’, арх. *дежня́* ‘кушанье из творога с толокном’, ‘топкая грязь’. Подобные сопоставления отражены и в некоторых русских (и, например, польских) сказках: нерадивый герой, поев в гостях киселя или жура, забывает название блюда и вспоминает, лишь побродив по грязи («Беспамятный зять», «Dziadek, co zgubił „żur”») <Дед, что потерял «жур»>).

Отождествление природной и пищевой жидкости, пищевого продукта и вязкой почвы подтверждают некоторые метафорические номинации: волог. *чай* ‘о воде в ручье Черная речка’, арх. *тесто* ‘о болоте, трясине’ – «Болото это такое

вязкое как каша, качается, зыблется, как бут, как тесто». Несмотря на возможность выявить основные виды соотношений пищевых субстанций с природными, в большинстве случаев, на наш взгляд, следует говорить не о метафорическом развятии значения, а об универсальности признаков «сладкий», «солёный», «кислый», «пресный», «жирный», которые являются «метакатегориями» для характеристики свойств объекта – будь то природная реалья или пища (именно природные материи являются источниками соли, кислоты, сахара).

Заметим, что связь «пищевых» и «природных» значений гнезд *кис-//квас-, жир-, волог-* во многом определяется семей «влажный», ср. арх. *кислѹха* ‘сырое болотистое место’, волог. *квашия* ‘заросший родник на болоте’, пск. *жирок* ‘навозная жижа’, свердл. *рассолодѣть* ‘стать непроезжей, раскиснуть (о дороге)’, арх. *сѣлодь* ‘грязь, навозная жижа (около родника)’.

«Бытие»: «Общая рациональная оценка». В данном разделе рассматриваются особенности употребления «кулинарных» слов как инструмента интерпретации абстрактных оценочных понятий и выделяются основные направления развития оценочной семантики.

С перцептивной точки зрения вкусы делятся на положительные (сладкий, жирный) и отрицательные (кислый, солёный, острый, горький). Эта дифференциация соответствует распределению между ними оценочной семантики: ср. ласковые обращения яросл. *сахарѣнка*, ряз. *маслена*, ряз. *волбжнѣй* ‘хороший’; волог. *кислѣня* ‘бранное слово; кислятина’. Оппозиции «сладкий» – «горький», «сладкий» – «солёный» используются при характеристике хорошей, удачливой vs тяжелой, бедственной жизни, ср. дон. *возрастѣть на сахарѣх* ‘расти в довольстве, не зная трудностей’, *пить горькую чашу* ‘бедствовать’. Такая символика сладкой и горькой пищи находит поддержку в верованиях и ритуалах. Например, на Русском Севере младенцу мазали губы медом диких пчел, «чтоб жизнь была сладкой»; на свадьбе, когда невеста мылась в бане, пар поддавали пивом, медом или водкой – это должно было скреплять брак, делать жизнь сладкой, веселой и счастливой. В культурных текстах проявляются и негативные коннотации «горько-го» (пить во сне горькое пиво – к горю).

Насыщенная жирная и солёная пища противопоставляется «пустоте» пресных и постных блюд. Жир, концентрирующий в себе полезные и питательные свойства продукта, и соль, придающая пище вкус, интерпретируются как смысловое ядро высказывания или ‘толк, прок, польза’ (перм. *в тук попасть* ‘сказать точно, угадать’, литер. *соль* ‘то, что составляет остроту речи’), в то время как кислые, постные, непригодные в пищу продукты оцениваются как нечто незначительное, пустое (приирт. *тѣры-бѣры кислы ци* ‘пустые разговоры’, арх. *зѣкисель*, литер. *ерунда на постном масле* ‘о чем-л. бессмысленном, пустом’). Негативными коннотациями может наделяться процесс солёния – квашения, ср. семантическую модель ‘солить’ → ‘без толку сохранять, тратить зря’ → ‘неудачно делать что-л.’: новг. *наквасить* ‘сделать что-либо не так; испортить’, *просолить туза* ‘не взять на него взятки’. Подобная «генерализация» семантики ‘заквашивать’ вполне могла

произойти по причине распространенности квашения в традиционном быту (ср. также значение *квасить* ‘пить’, несомненно, отражающее специфику русского рациона, в котором основным напитком был квас).

Заключительная глава «*Семантическое своеобразие лексики, обозначающей категориальные признаки пищи: итоговая характеристика*» – обобщение результатов проведенного этнолингвистического исследования. С учетом выделенных семантических доминант, комплекса коррелятивных отношений, интерпретации регулярных семантических связей, существующих между лексикой пищи и другими понятийными сферами, реконструируется характерный для русской языковой традиции комплекс представлений о кислой, жирной, соленой и сладкой пище. Приведем основные выводы (спектр коррелятивных отношений подробнее рассмотрен на примере семантико-мотивационной группы «Жирная пища»).

Семантико-мотивационная группа «Жирная пища». Семантическое своеобразие данной лексической группы определяется тем, что «жирное» оценивается и как избыточное по количеству, и как насыщенное «качественно» (ср. пск. *волóгой* ‘в большом количестве’ и волог. *жирный* ‘о чае: крепкий’). Среди семантических признаков, характерных для лексем, называющих жирную пищу, выделяются ‘изобильный, богатый’, ‘имеющийся в большом количестве, обильно проявленный’, ‘большой, крупный’, ‘насыщенный, концентрированный’, ‘питательный, полезный’, ‘удачливый, выгодный’, ‘вкусный, притягательный’, ‘скоромный’, ‘влажный, насыщенный влагой, сочный’, а также более конкретные – ‘вязкий’, ‘блестящий’, ‘гладкий’, ‘мягкий’, ‘находящийся на поверхности’, ‘пачкающий, пятнающий’.

Гнезда с «именной» семантикой «жирный, жирная пища» демонстрируют самую многочисленную парадигму гнезд-коррелятов. Значения, синонимичные *жирному* (*воложному, масляному* и др.), могут быть выражены лексемами гнезд ***толст-, густ-, сыт-, дюж-, добр-, сок-, полн-***.

• ‘Жирный’: литер. *жирный, масляный, сальный, скоромный, сдобный*, диал. *тучный, воложный, толстый*;

• ‘обильный (о пище)’, ‘сытый’: диал. *жировать* ‘есть вдоволь’, *жирный* ‘сытый’; литер. *сытный, сытый*; диал. *густо, сочно* «жирно, воложно, роскошно»;

• ‘вкусный’: литер. *жирный кусок* ‘что-либо лакомое, выгодное, заманчивое’; диал. *воложный; салиться* ‘лакомиться’, *оскоромить* ‘дать попробовать что-либо вкусное’; ср. укр. *добрий* ‘вкусный’;

• ‘сладкий’: диал. *жирный; воложить* ‘сахарить’;

• ‘крепкий, насыщенный (о чае, напитке)’: диал. *жирный, дюжий, густой; толстое пиво* ‘хлебное, густое’;

• ‘душный’: диал. *жирнотá* ‘духота’; *густой*;

• ‘густой, сочный (о траве)’: диал. *жирный, тучный, удобный, дюжий, сочный; гуцина* ‘густая трава’;

• ‘высокий (о воде)’: диал. *жирный, сочный, полный, сытый*;

произойти по причине распространенности квашения в традиционном быту (ср. также значение *квасить* ‘пить’, несомненно, отражающее специфику русского рациона, в котором основным напитком был квас).

Заключительная глава «*Семантическое своеобразие лексики, обозначающей категориальные признаки пищи: итоговая характеристика*» – обобщение результатов проведенного этнолингвистического исследования. С учетом выделенных семантических доминант, комплекса коррелятивных отношений, интерпретации регулярных семантических связей, существующих между лексикой пищи и другими понятийными сферами, реконструируется характерный для русской языковой традиции комплекс представлений о кислой, жирной, соленой и сладкой пище. Приведем основные выводы (спектр коррелятивных отношений подробнее рассмотрен на примере семантико-мотивационной группы «Жирная пища»).

Семантико-мотивационная группа «Жирная пища». Семантическое своеобразие данной лексической группы определяется тем, что «жирное» оценивается и как избыточное по количеству, и как насыщенное «качественно» (ср. пск. *волóгой* ‘в большом количестве’ и волог. *жирный* ‘о чае: крепкий’). Среди семантических признаков, характерных для лексем, называющих жирную пищу, выделяются ‘изобильный, богатый’, ‘имеющийся в большом количестве, обильно проявленный’, ‘большой, крупный’, ‘насыщенный, концентрированный’, ‘питательный, полезный’, ‘удачливый, выгодный’, ‘вкусный, притягательный’, ‘скоромный’, ‘влажный, насыщенный влагой, сочный’, а также более конкретные – ‘вязкий’, ‘блестящий’, ‘гладкий’, ‘мягкий’, ‘находящийся на поверхности’, ‘пачкающий, пятнающий’.

Гнезда с «именной» семантикой «жирный, жирная пища» демонстрируют самую многочисленную парадигму гнезд-коррелятов. Значения, синонимичные *жирному* (*воложному, масляному* и др.), могут быть выражены лексемами гнезд ***толст-, густ-, сыт-, дюж-, добр-, сок-, полн-***.

• ‘Жирный’: литер. *жирный, масляный, сальный, скоромный, сдобный*, диал. *тучный, воложный, толстый*;

• ‘обильный (о пище)’, ‘сытый’: диал. *жировать* ‘есть вдоволь’, *жирный* ‘сытый’; литер. *сытный, сытый*; диал. *густо, сочно* «жирно, воложно, роскошно»;

• ‘вкусный’: литер. *жирный кусок* ‘что-либо лакомое, выгодное, заманчивое’; диал. *воложный; салиться* ‘лакомиться’, *оскоромить* ‘дать попробовать что-либо вкусное’; ср. укр. *добрий* ‘вкусный’;

• ‘сладкий’: диал. *жирный; воложить* ‘сахарить’;

• ‘крепкий, насыщенный (о чае, напитке)’: диал. *жирный, дюжий, густой; толстое пиво* ‘хлебное, густое’;

• ‘душный’: диал. *жирнотá* ‘духота’; *густой*;

• ‘густой, сочный (о траве)’: диал. *жирный, тучный, удобный, дюжий, сочный; гуцина́* ‘густая трава’;

• ‘высокий (о воде)’: диал. *жирный, сочный, полный, сытый*;

- ‘вязкий, топкий’: диал. *жѳрница, маслявина, сало*; сочная земля ‘пропитанная водой земля’;
  - ‘имеющийся в большом количестве’: диал. *жир* ‘множество кого-л., чего-л.’; *жирный* ‘большой, обильный’, *дѳжжный* ‘большой’; диал. *сально, вологой, полнище, сыто, толсто, густо* ‘много’;
  - ‘сильный (о ветре, свете)’: диал. *жирный* ‘о свете: сильный’, *густой* ‘о ветре: сильный’, *дѳжжий* ‘значительный по степени проявления’;
  - ‘плодородный (о почве)’: литер. *жирный, тучный*, диал. *толстый, дѳжжий; жирить, утучнять, дѳбрить* ‘удобрять’;
  - ‘полный, тучный’: простореч. *жирный*, литер. *толстый, полный*; диал. *доброй, сытый*; диал. *нажироваться* ‘поправиться, пополнить’, литер. *раздобреть, располнеть, растолстеть*;
  - ‘здоровый’: диал. *как с масла ехать* ‘расти здоровым’; диал. *дѳжжий, добрящий*;
  - ‘богатый’: литер. *как в масле кататься*, диал. *воложничать* ‘жить роскошно’; *жирѳха, толстодѳм* ‘зажиточный хозяин’, *сыто* ‘без нужды’, *сытное место* «наживное»;
  - ‘ласковый, угодливый’: диал. *сѳлить, воложить, дѳбрить* – ‘льстить, угождать’;
  - ‘непристойный’: литер. *сальный*, диал. *жирный, толстый; масляга* ‘безобразник и сквернослов’, *скорѳмщина* ‘непристойные слова’.
- Прилагательные гнезд *пост-, тонк-, худ-, тощ-, сух-, ред-, пуст-, жид-* и их дериваты формируют круг значений, антонимичных «жирному».
- ‘Не содержащий жира, молока’: литер. *постный*; диал. *постнотѳ* ‘малое количество жира в пище’; *сухой, тонкий, пустой, тощий*, ср. польск. *chudy*;
  - ‘несладкий’: диал. *постный, пустой*;
  - ‘некрепкий (о напитке)’: диал. *редкий, тонкий; жидкопляс* ‘жидкий чай’;
  - ‘голодный, скудный (о пище)’: диал. *постный* ‘непоевший’, *постовать* ‘жить впроголодь’; *худо, тонко, жидко* ‘о пище: скудно, мало’; *пустовѳрица* ‘недостаток в пище’, *тощий желудок* ‘голодный, пустой’, ср. диал. *сухая беседа* ‘без угощенья’;
  - ‘неплодородный (о почве)’: диал. *постный, тонкий, редкий, тощий; пустая порода*, ср. польск. *chudy*;
  - ‘непитательный, плохой (о траве)’: диал. *постный, сухой, тонкий, пустой, тощий, редкий*;
  - ‘бедный’: диал. *в кармане Иван постный (тощий)* ‘нет денег’; *Живет тоненько да помаленьку; Пожидело у меня в кармане; пустая невеста* ‘без приданого’, *худоба* ‘бедность, нищета’;
  - ‘незначительный, небольшой’: диал. *реденький; суходѳй* ‘корова, дающая мало молока’;

• ‘худой, слабый, хилый (о человеке)’: литер. *худой*, диал. *пóстньенкий, редкий*; *сухóтка* ‘чрезмерная худоба’, *тоуца́ха* ‘худой человек’, *жиделя́га* ‘слабый, малосильный человек’;

• ‘суровый, сдержанный (о человеке, отношениях)’: диал. *сухой*; *нас сухо приняли* ‘не по добру’, арх. *пóстовать* ‘быть в трауре, горевать’, ср. *это параграф, поджаренный на постном масле* ‘человек сухой, бездушный’;

• ‘строгий (о стиле письма, речи)’: литер. *сухой слог* ‘без игривости, не трогающий чувства’, ср. литер. устар. *масленный язык* ‘коварный, лстыивый язык’, *блином масляным в рот лезет*;

• ‘платонический (об отношениях)’: диал. *сухая любовь, пресная любовь*.

Представленная парадигма значений не является замкнутой и может быть продолжена не только за счет расширения перечня значений, но и за счет добавления новых гнезд (ср. отношения *сладкий – жирный – ласый; простой, порожный* в значении ‘постный’), привлечения инославянских данных (ср. значения польск. диал. *jalowy* ‘постный, пустой’, ‘неурожайный’, ‘бедный’). Большинство лексем, с которыми «жирное» связано коррелятивными отношениями, образуют устойчивые оппозиции: *скоромный – постный, сочный – сухой, толстый – тонкий, густой – жидкий – редкий, полный – пустой* и т. п. Семантика дериватов лексем группы «жирная пища» связана с положительным полюсом противопоставлений ‘влажный’ – ‘сухой’, ‘полный’ – ‘пустой’, ‘богатый’ – ‘бедный’, ‘большой’ – ‘малый’, ‘насыщенный’ – ‘ненасыщенный’, ‘сильный’ – ‘слабый’, ‘плодородный’ – ‘неплодородный’.

Семантико-мотивационная группа «Кислая пища». Спектр значений семантико-мотивационной группы «Кислая пища» можно описать через такие семантические признаки, как ‘влажный’, ‘мягкий, бесструктурный’, ‘слабый, вялый’, ‘болезненный, старый’, ‘грязный’, ‘малоподвижный, медлительный’, ‘неприятный при контакте (перцептивном, эмоциональном, социальном и т.п.)’, ‘испорченный, непитательный, несъедобный’, ‘неудачный’, ‘подвижный, шумный, бурлящий’, ‘живой, растущий’. Коррелятивные отношения связывают прил. *кислый* и *пресный* (между ними возможна не только синонимия, но и антонимия), *свежий, сухой, мокрый*. Семантика «кислого» как влажного, портящегося, разлагающегося (ср. арх. *киснуть* ‘гнить’, *кисель* ‘гной’) позволяет обнаружить аналогичное развитие значений прил. *гнилой*, гл. *гнить*. Внешним сходством процессов кипения, бурления жидкости обусловлен ряд семантических схождений дериватов корней **куъ-* и **куп-* (*кипеть*).

Семантико-мотивационные группы «Соленая пища», «Сладкая пища».

По сравнению с «кислым» и «жирным», признаки «солёный» и «сладкий» в максимальной степени воплощают именно вкусовое качество пищи. В языке *солёный* и *сладкий* – постоянные антонимы и на уровне «пищевой», и на уровне вторичной семантики. Это определяет меньшее число корреляций с другими лексическими гнездами, чем в случае «жирного» и «кислого». Прил. *сладкий* и *солёный* соотно-

сятся преимущественно с обозначениями иных вкусовых свойств, ср. оппозиции *соленый / сладкий, соленый / пресный, горький / сладкий*, ряд общих линий семантического развития *сладкий ~ жирный, ласый, пресный; соленый ~ горький*.

Значения лексем группы «**Соленая пища**» развиваются не только на основе оценки собственно свойств соли (острый, едкий), но и исходя из представления о пищевой норме (соленый – несоленый). Среди семантических доминант, важных для данной группы, выделяются ‘неприятный при контакте (перцептивном, социальном и т.п.)’ (← ‘острый, едкий’), ‘неудачный’, ‘неприятный, тяжелый’ (← ‘пересоленный, недосоленный’), ‘соответствующий – несоответствующий норме (пищевой, социальной, интеллектуальной и т. п.)’ (← ‘соленый – недосоленный’), ‘бессмысленный, напрасный’ (← ‘заготовленный впрок’), ‘концентрирующий в себе вкус → смысл, ум и т. п.’ (← ‘улучшающий вкусовые качества пищи’).

Обозначения **сладкой пищи** имеют положительные культурно-языковые коннотации, поскольку сладкое, как показывают языковые факты, доставляет удовольствие всем органам чувств человека. Для лексем группы «Сладкая пища» выделяются семантические доминанты ‘нравящийся, доставляющий удовольствие’, ‘сытный, вкусный’, ‘мягкий, перцептивно приятный’, ‘неприятный’ (← ‘чрезмерно сладкий’). Свое символическое осмысление получает «подсыпание» сахара и соли в пищу (ср. *насахарить, насолить* ‘сделать вред или неприятность’), в языке и культуре символизирующее причинение неприятностей, желание нанести вред (в отличие от «смазывания» маслом как улаживания).

Сопоставляя анализируемые семантико-мотивационные группы, отметим, что между признаками *кислый, сладкий, соленый, жирный* могут устанавливаться следующие отношения:

- общий родовый признак «вкусный, имеющий вкус», противопоставляющий их *пресному* и *постному*. «Вкусной» является питательная и сытная жирная пища; приятной на вкус – соленая и сладкая; насыщенной вкусом – кислая, ср. диал. терск. *вкусный* ‘кислый’ – «Не хочу твоих яблоков: дюже вкусные», ряз., дон. *кислит* и *сладит* ‘о чем-либо очень вкусном’;
- наличие «перекрестных» корреляций (для *соленого* и *кислого* – антоним *пресный*, для *кислого* и *жирного* – антоним *сухой*, для *кислого* и *соленого* – антоним *сладкий* и т. п.);
- сходный набор семантических регистров – сфер отождествления (обозначение видов растений, почв; этических, оценочных категорий, социального поведения, игровых предметов, реалий свадебного обряда и т. п.);
- общие (сквозные) семантические доминанты: ‘влажный, мокрый’ – для *жирного* и *кислого*; ‘доставляющий удовольствие’ – для *жирного* и *сладкого*; ‘неприятный при контакте (перцептивном, социальном, эмоциональном и др.)’, ‘неудачный’ – для *соленого* и *кислого*; ‘концентрирующий в себе вкус → смысл, ум’ – для *соленого, жирного, кислого* и т. п.;

• отношения синонимии и антонимии как на уровне «пищевых» значений, так и на уровне частных вторичных значений и культурной семантики. Например:

– ‘теплый / холодный / приносящий осадки (о ветре)’: влад. *сладимый ветер* ‘теплый, южный’, арх. *солить* ‘дуть в лицо (о ветре со снегом)’, арх. *кисляк* ‘южный и западный ветер’;

– ‘тяжелый’ / ‘благополучный (о жизни)’: *сладкий* ‘исполненный довольства, счастья (о жизни, судьбе)’, *по маслу* ‘спокойно, благополучно’, *кисло ли прясло* ‘хорошо ли, плохо ли’, *солоно прийтись* ‘о тяжелых жизненных обстоятельствах, неприятностях’;

– ‘чувственный’: литер. *сладострастие*, диал. пск. *всахариться в самые уши* ‘сильно влюбиться’, яросл., орл. *сальник* ‘любитель ухаживать за женщинами’, литер. *масленный* ‘выражающий чувственность, вожделение (о глазах, взгляде)’, костр. *пресной* ‘сладострастный’;

– ‘сват, участник свадебного обряда’: тамб. *кислый сват*, владим. *кислая сваха, сладкая родня*.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования и намечаются перспективы разработки данной темы.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

I. Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале:

1. Масло в голове // Русская речь. – 2007. – № 3. – С. 118–120.

II. Другие публикации:

2. Об одном случае «пищевой» мотивации в русской терминологии игр // Этимологические исследования : Сб. науч. тр. – Вып. 8. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 200–208.

3. Антропологический код в русской лексике брожения и скисания // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2001–2004. – СПб., 2004. – С. 54–64.

4. Метеорологический код в русской пищевой лексике // Ономастика и диалектная лексика. – Вып. 5. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 191–204.

5. Диалектная лексика и народные представления о мире // Живая старина. – 2004. – № 2. – С. 42–44. (В соавторстве с Ю. А. Кривошаповой. Автором выполнено 50% работы.)

6. Народное слово и миф: этнолингвистический комментарий к находкам Топономической экспедиции УрГУ (летний сезон 2004 г.) // Живая старина. – 2005. – № 3. – С. 4–7. (В соавторстве с М. Ф. Евчик, Е. В. Шабалиной. Автором выполнено 30% работы.)

7. Пищевой код в тексте игры: *каша* и *квас* // Славянский и балканский фольклор. – М. : «Индрик», 2006. – С. 425–459. (В соавторстве с Е. Л. Березович. Автором выполнено 50% работы.)

8. Пищевая лексика в прозвищных антропонимах // Ономастика в кругу гуманитарных наук : Мат-лы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 101–104.

9. Пищевой код в русской игровой лексике // Пир-трапеза-застолье в славянской и еврейской культурной традиции : Сб. статей. – М. : Ин-т Славяноведения, 2005. – С. 209–254. (В соавторстве с Е. Л. Березович. Автором выполнено 50% работы.)

10. Символика пищи в сновидениях (на материале западно- и восточнославянской традиции) // Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции : Сб. статей. – М. : Ин-т Славяноведения, 2006. – С. 183–197.

11. «Пищевой» код в дискурсе игры // Е. Л. Березович. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М. : «Индрик», 2007. – С. 341–404. (В соавторстве с Е. Л. Березович. Автором выполнено 50% работы.)

12. Социальные категории в зеркале «пищевой» лексики // Ономастика и диалектная лексика. – Вып. 6. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. – С. 3–23.

13. «Разгонное» блюдо в языке и культуре (на материалах западно- и восточнославянской традиции) // Питание в культуре этноса: Материалы Шестых Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – С. 127–130.

Подписано в печать 16.05.08. Формат 60×84 1/16
Бумага типографская. Усл. печ. л. 1,5
Тираж 100 экз. Заказ № . Печать офсетная
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, Типлаборатория УрГУ